

Певица большой души

Имя прославленной певицы конца прошлого века Анастасии Вяльцевой близко знакомо лишь людям старшего поколения. Недавно благодаря пластинке, выпущенной фирмой «Мелодия», певицу смогли услышать и наши современники. И, несомненно, не остались равнодушными и ее чарующему голосу. Но, видимо, мало кто из почитателей Вяльцевой знает, что она в свое время пела на владивостокской сцене.

ЖИЗНЬ Анастасии Дмитриевны Вяльцевой, как писали газеты тех лет, была отмечена «печатью исключительности». Действительно, ее судьба напоминала историю провинциальной Золушки, волшебным образом превратившейся в одну из цариц русской эстрады.

Родилась она в 1871 году в семье бедного крестьянина слободы Алтухово Севского уезда Орловской губернии. Детство ее ничем не отличалось от детства тысяч ее сверстниц, отданных «в лю-

ди». Переехав с матерью в Киев, Анастасия прошла свои нелегкие жизненные «университеты», прежде, чем ее звезда засияла на небосклоне.

В 1893 году в оперетте «Цыганские песни в лицах» Анастасии Вяльцевой пришлось спеть романсы. С этого момента и начался ее успех у публики, потому, что певице удалось привнести в жанр романса нечто свое, особенное. Музыкальные критики писали: «Пение Вяльцевой всегда светло, и ее песнь звучит солнечно». Гастрольные поездки принесли певице всероссийскую славу. Эпитеты «несрав-

ненная», «неподражаемая» оказались навечно прикрепленными к ее имени.

Но скоро имя Анастасии Вяльцевой исчезло с афиш концертных залов. Когда на востоке разгорелся пожар русско-японской войны, певица надела косынку медсестры и отправилась на маньчжурский фронт. Перед этим она пыталась за свой счет организовать санитарный поезд, но не встретила поддержки у царских сановников, которыми были глубоко безразличны беды войны. Приехав в Харбин, Вяльцева обратилась к военному командованию. Ее долго уговаривали не ехать в район боев, пугали опасностями. Но она не отступилась и через несколько дней прибыла в Гунжули, где устроилась сестрой милосердия в полевоом госпитале и с материнской чуткостью ухаживала за ранеными.

Вот как рассказал один из столичных корреспондентов о встрече с певицей в столь необычной обстановке: «С позиций несли десятки и сотни раненых. Под наскоком сделанным из циновок навесом кипела работа: измученные врачи и сестры милосердия не покладая рук перевязывали раны, укладывали и одевали страждущих, и для каждого

было готово у них слово ласки и одобрения. Между сестрами милосердия мне мелькнуло знакомое лицо, но скромный костюм, утомление и забота, видимо, изменили сестру настолько, что я не мог припомнить, где я ее видел. А что видел и даже много раз, в том я был убежден. Улучив момент, я подошел к ней с вопросом: не встречались ли мы с нею в России? Внимательно взглянув на меня, она улыбнулась, и, размешивая какое-то питье, ответила: «А что, меня, должно быть, трудно теперь узнать? Вы меня видели в Н., где я играла в летней труппе». Я горячо пожал ей руку и выразил свое изумление по поводу того, что увидел ее здесь, на поле сражения, после драматической сцены. «Да ведь и это — драма, да еще какая! — ответила она с грустной улыбкой. — А теперь, извините, мне нужно к больному», — и, пожав мне руку, отошла. Через минуту я уже видел, как она, склонившись над тяжело дышавшим солдатом, подавала ему питье, заботливо поддерживая его перевязанную голову».

В свободное от дежурства время А. Д. Вяльцева выступала с концертами в пользу раненых в Харбине. Несколь-

ко раз ей рукоплескали жители Владивостока. О ее концерте одна из газет сообщила: «И стар, и млад, слушая чарующую артистку и звуки русской песни, забывал переживаемые ужасы войны, и в душе хотелось сказать милому нашему гостю, так искренне отозвавшемуся на нужды раненых: «Пой, ласточка, пой!» — и верить словам песни, что «весна идет», «весна лучших, светлых дней будущего».

На окраину России, на фронт, несла певица далекую мечту о светлом и красивом, о любви и счастье. В самые шаблонные романсы вносила она столько искренности, глубокой тоски по счастью и свободе, что многие не могли слушать ее без слез.

Вяльцева умерла в расцвете таланта 4 февраля 1913 года. Известие о ее смерти потрясло всех. В траурной процессии участвовали около 150 тысяч человек, целые делегации от многих городов, губерний, в том числе и от Дальнего Востока. Похоронена она была на Староникольском кладбище в Петербурге.

В. МИШИНА.